

Когда тебе семнадцать лет

Ребята помоложе смеялись во весь голос. В блиндаже было уютно, и если бы не постоянно открывающаяся дверь, то могло бы быть и жарко. Но расшалившиеся сорванцы, скинув казенное солдатское, в одних портках выскакивали на снег, кидали друг в друга снежками, растирали колючую белую вату о спины товарищей и с хохотом забегали обратно. Старшие бойцы – дядечки в годах – игрищам молодеческим не препятствовали, а только с ухмылкой посматривали на раздурившихся под вечер бесенят. Что с них взять: призвали-то недавно, только после учебки пареньки, порох понюхать им еще только предстоит. Ничего, Ленинградский фронт сейчас в наступлении, скоро всех обкурит дым войны...

Осип Корляков был одним из младших во взводе: только ему и еще четверым было по семнадцать. Остальные из их призыва оказались постарше на год-два: самый тот возраст, когда жить хочется отчаянно, но цену жизни еще не знаешь. Дверь опять распахнулась, вскинув ветром полог, сделанный из плащ-палатки, до самого потолка. Февраль сорок четвертого выдался не особо морозным. Дома обычно зимы покруче нравом, да не такие сырые. Корляков поуютнее устроился под коротковатой телогрейкой – наконец-то отбой! – и потихоньку, не спеша, уходил в сон... Нарезвившиеся парни уютно посвистывали носами; кто-то из пожилых в дальнем углу кашлял - сухо, с затяжкой, из самого нутра. Воспаленный этот кашель, как непрошенный стук в дверь, будил Осипа, вновь и вновь летящего в ночные тартары... Чуть больше года назад на Ленинградском погиб дядя Коля. Не сыскать его могилы. А могилы отца и быть не может, хоть мать и не верит, что погиб, но без вести он пропал еще в декабре сорок первого...

Выступили с самого утра. До линии фронта оставалось километров около двадцати, и приглушенные выстрелы постепенно стали прорываться сквозь зимнюю белизну полей. Ленинградский фронт наступал, и вливание свежих призывных сил нужно было фронту с каждым днем все больше. Бойцы разговаривали негромко, экономя силы и вспоминая вчерашнее, поддразнивали друг друга. Нестройная колонна растянулась по дороге, и ротный покрикивал взводным, чтобы подтягивали бойцов. Осип шел со всеми, отмеряя серо-белые километры шагами. Это городским непривычно дорогу на сапоги наматывать, а ему, уроженцу деревни Жарено и нынешнему жителю поселка Фермы, десять верст – не крюк, с детства привычные.

... Атака была как-то сразу: вот только к вечеру дошли до точки, а на утро уже – в бой. И вот эта внезапно случившаяся близость смерти ошеломляла и пугала. Бойцы по-прежнему подтрунивали над товарищами, но голоса стали серьезнее и строже. Раннее утро темнело в тон земле, проглядывающей то там, то здесь в неглубоких, в полроста максимум, окопах.

-Эй, Корляков, - крикнул взводный из другого конца белого лабиринта. – Ты давай на правую сторону.

Осип молча метнулся вдоль стенки, устроился в указанном месте. Выбрал позицию поудобнее, посмотрел в прицел в даль: там, в конце поля, не было видно и шевеления; не верилось, что вот так - запросто на той стороне кристальной равнины есть невидимые люди. Лежали, согревая дыханием руки, леденеющие от подстывшего металла автоматов. А слева и справа уже слышалась команда, передаваемая от командира роты взводными по цепи.

- Рота, в бой! – сипловато кричал старлей.

- В атаку! – отрывисто выдохнули вслед его голосу другие голоса.

И сразу слева и справа взлетели тени. Крики, хруст снега под бегущими ногами, автоматные очереди – смешалось все в едином гуле, среди которого невозможно было разобрать ничего, ничего! Осип тянул себя вверх словно из глубокого омута, преодолевая одолевший его страх. Тело не сдвигалось ни на миллиметр; казалось, оно стало чугунным - от кончиков пальцев до макушки. Корляков медленно, как в застоявшемся сне, открыл рот, стараясь крикнуть: «В атаку!».

-А-а-а-а! – Крик, вырвавшись наружу, слился с боем, стал его неразличимой частью.

Он бежал, бежал вперед, проваливаясь в снег – вперед, вперед! Пересохшее горло сипело, пальцы автоматически нажимали на спусковой крючок автомата, глаза не видели, что творится по сторонам, а Осип не останавливался, стремясь, как к финишу, к краю снежной равнины...

Снег... Белый, холодный и такой вкусный... Корляков лежал на примятом, но все еще мягком сугробе, уткнувшись в него лицом, наслаждаясь каждым вдохом, каждым выдохом и таким волшебным вкусом снежинок, налипающих сладкой массой на губы, - талым вкусом жизни. Чуть дальше, справа, лежали убитые. Их сложили в ряд и уже достали документы, чтобы написать рапорт.

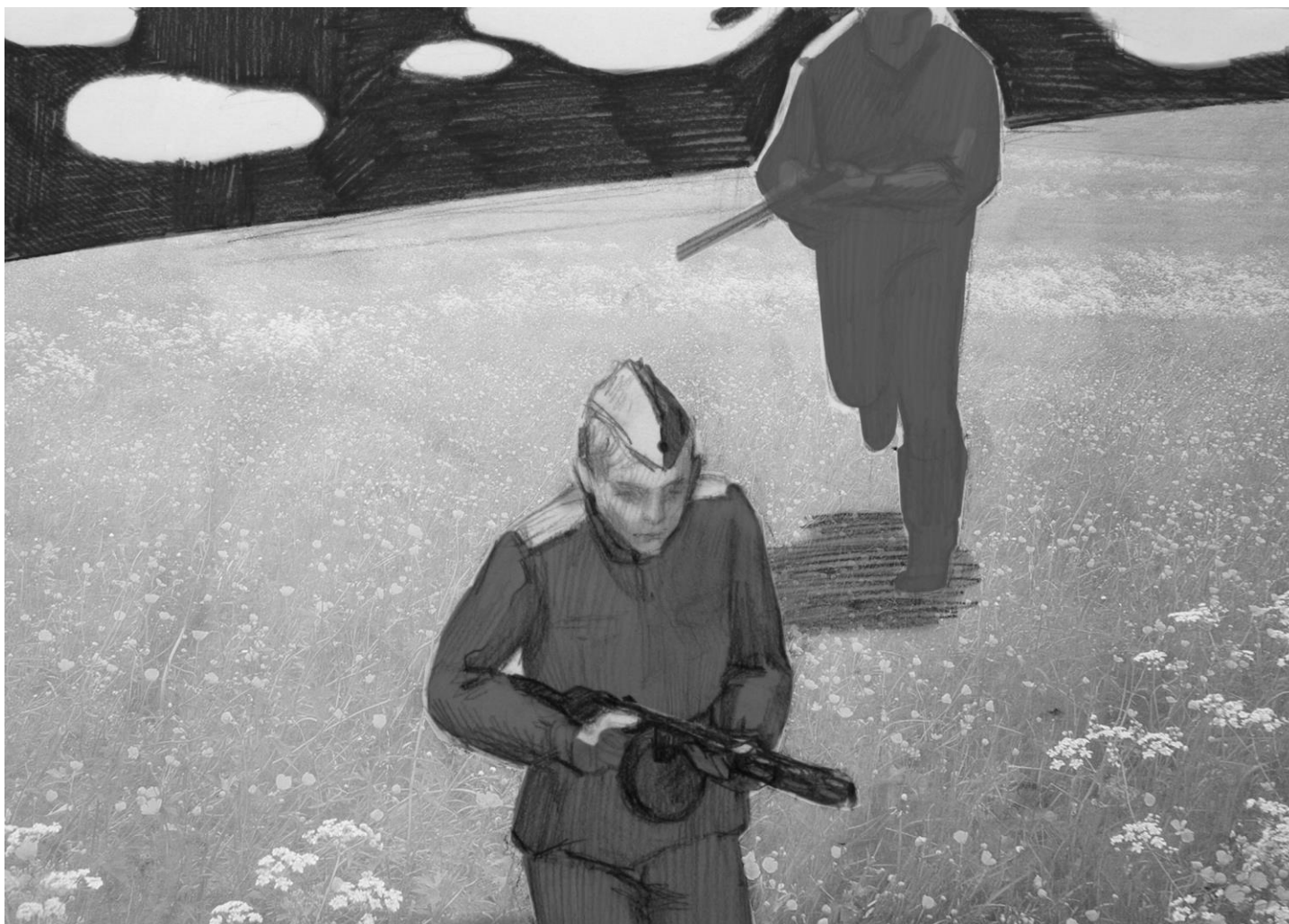
Осип сел, отер рукой мокрое лицо. А встали в атаку, оказывается, далеко не все. Сейчас, когда высоту уже взяли, их – неподнявшихся – и сейчас уже дошедших до своей роты, построили и куда-то собирались увести. Сейчас они выглядели совсем как мальчишки – провинившиеся, ожидающие наказания. Но уводили их вовсе не как напроказничавших школьников... Корляков смотрел им вслед без злости, без осуждения, вспоминая тот самый миг, когда его тело словно примерзло к земле...

Хорошо летом! Трава пахнет миром, даже на самой линии фронта, даже если это не родной Урал, а далекая граница Эстонии и Латвии. Валка... Слова-то какие – не наши. А аромат юной зелени сильнее прогорклой военной гари и здесь, и везде. Осип лежал в траве, за бугорком. Ротный никак не давал сегодня команду, а полдень уже разгорелся не на шутку. Артиллерийской подготовки к атаке практически не было сделано, и придется им сегодня, пожалуй, что, ох, как нелегко... Корляков выглядывал потихоньку сквозь травинки – вот она, речка, там, за полем,

недалеко. Говорят, неширокая, но через воду так легко не пройти. Немцам отбиваться будет попроще. Уже опытный солдат привычным взглядом смерил расстояние до точки, прикинул...

- Рота, в атаку!

- Взвод, вперед! В атаку!

графическая иллюстрация, художник Коурова Елена

И понеслась в очередной раз нелегкая сила по полю, закрытому нежной июньской травой. Осип бежал быстро, уверенно, стреляя короткими очередями. В какой-то момент он заметил, что уходит немного вниз, становится чуть ниже уровня однополчан. Слева, справа, стрекоча и отплевываясь автоматными очередями, бежали и тут же падали люди. Незаметная ложбинка, когда-то в тысячелетиях, видимо, намытая весенними ручьями и дождями и спрятанная теперь от чужих глаз под травой, шла под ногами ровно, вела прямо к речке, сберегая солдатскую жизнь. Совсем узенькая, метров пять шириной, речка дала хорошее укрытие немцам, надежно залегшим на том берегу.

Вот и берег с кустами: Осип подкатился под тонкие гнутые ветки, усыпанные листиками. Замер, оглядываясь, чтобы оценить обстановку. Атака заглохла. Немцы отбились и теперь шевелились на том берегу, видимо, оттаскивая раненых. Их голоса были слышны, так близко, так отчетливо – как будто где-то рядом включили радиоприемник. Отходить назад не было смысла. Сейчас, если он встанет, подстрелят его легко и с удовольствием, как одинокого глухаря, взлетевшего с поля. Осип устроился поудобнее, положил подбородок на руку с автоматом и стал ждать вечера, чтобы дожждаться темноты. Он лежал и смотрел на речку: дома-то даже Мось намного шире будет, а уж про Мулянку и говорить нечего. Эх, и отменный хариус в Моси ловится! Пойдешь, бывало, с утра – часиков в пять, мушку насадишь, а ему, толстобокому, только и подавай. Последние годы, как война началась, порой рыбой только и спасались: летом наловишь, зимой ешь. Люську с Ванькой кормить же надо, матери одной на всех троих не наработаться. Аркаша в армии, отец без вести пропавший с сорок первого. Так что – за старшего...

Осип пожевывал тонконогие травинки, вытягивал из них чуть сладковатый сок и мечтал о рыбалке. Вкус жареной рыбы чувствовался так явно, что хотелось раскусить хрустящую корочку – прямо здесь, прямо сейчас. Корляков вздохнул и стал наблюдать за противоположным берегом. Тишина.

Наконец-то свечерело, и Корляков потихоньку, сначала отползая, а потом крадучись, в наклон, отошел к своим. Таких, кто добежал до речки, было немного, поэтому докладывать нужно было подробно обо всем, что видел и приметил. Утром снова в атаку, и каждая деталь может помочь. Да, только не всегда так везет солдатам, как ему сегодня с невидимым овражком...

Утро грянуло новой стрельбой. Задача на сегодня была одна – взять рубеж, занятый немцами. И снова бежать, и снова – вперед. Бойцы бежали, пригибаясь, стараясь как можно скорее преодолеть самый сложный участок – поле. Пули настигали то одного, то другого и человеческие тела вскидывались и исчезали в траве. Корляков рванул вперед так, как бегал в детстве – отчаянно, со всех сил. Он бежал, бежал и... Мир опять уходил чуть вверх, а Осип – чуть вниз. Совершенно не рассчитывая, даже не помня, где находится овражек, он снова – как и вчера – выбежал на него. Спасительная ложбинка спрятала его, словно подгадывая, как ему помочь. Вот и снова река и кусты. Плюхнулся, отдышался. Нет, сегодня он назад не пойдет. Все равно с утра атака будет, значит, правильнее переждать здесь, чтобы прикрыть ребят, когда они только встанут с позиции. Корляков неспешно, потихоньку окопался. Заметил, что чуть подальше – и слева, и справа от него, кто-то тоже устраивается вдоль берега. Что же, с утра легче будет идти вперед. Тихонько перекликнулись: всё, остаемся. День плавно перетек в вечер, а затем в ночь... Звезды были почти не видны, небо затянуло облаками, но и дождя нет – уже хорошо. Парнишка смотрел в высь, вдыхал такой привычный и такой родной запах речного берега...

Утром, как только проснулись птицы, издали, из-за спины, слышалась очередная команда. Корляков, соразмеряясь с товарищами, пошел в атаку: сейчас самое сложное – переплыть речку под носом фашистов. Немцы – на удивление молчали. Бойцы, продвигаясь вперед, стреляли, но ответных очередей не было. Речку перемахнули, как могли и... пустой берег – удача. Не сдюжили фашисты, отступили ночью. Мокрые, продрогшие, но улыбающиеся бойцы разводили костры и сушили одежду. Подтащили термосы с кашей, и Осип уплетал ее – негустую, солдатскую, но такую ароматно-горячую... Слушал товарищей и думал, что и в солдатской жизни есть место чуду – простому солдатскому чуду...

А леса у них такие же, ничем от наших не отличаются. Корляков шел среди латышских сосен, нес за спиной походный термос с ужином для роты. Два бойца, отправленных с ним, тоже тащили вкусную ношу, обещавшую скрасить солдатский вечер. Сегодня – передышка. Последнюю неделю отступали, наступали, отступали и опять наступали. В итоге кухня – в двух километрах, вот и отправлял командир всех по очереди. Осип по привычке посматривал грибы – сейчас, конечно, не пособираешь. Рановато еще, да и сухое нынче лето выдалось. Игольчатые ветви покачивались лениво, убаюканные полуденным солнцем. Белка резко вспрыгнула с ветки. На миг от тени одного из сосновых стволов отделилась еще какая-то тень... Сработало солдатское чутье: что что-то неладно. Отработанная за военное время реакция помогла Осипу в доли секунд скинуть термос с плеч и поставить его перед собой. Термос тут же пискливо звякнул несколько раз от прошившей его автоматной очереди. Булькая тоненькими струйками, наполняя воздух мясным запахом, ужин тут же начал выливаться из продырявленного термоса.

Ребята поддержали огнем, стреляя по направлению звука. Те, кто тенью скользнул за деревья, отбивались раздраженными, злыми очередями, отходящими все дальше. Еще до того, как стрельба стихла, прибежали с позиций товарищи. Найти никого не нашли, но Корляков, пробежавшись вглубь, увидел алые грозди капель; они тянулись в самую чащобу, кровавым указателем выдавая хозяина и его друзей: может быть, отступавших фашистов, а может – разведгруппу.

Август!.. Косить бы да косить! Какое сено ароматное будет из этой травы! Осип шел с товарищем через большое, поросшее до пояса поле. Наблюдение они произвели удачно, до заданной точки дошли, никого не обнаружили. Что же, хорошие новости и докладывать веселее. Трава сгибалась под ногами, пружинисто упрямылась, не желая ломаться. Из леса, огибавшего поле, показался кто-то из своих. Он махал им рукой, указывая, видимо, чтобы они повернули туда. Корляков кивнул товарищу, и они заспешили к лесу.

Стрекот фашистских мотоциклов возник так резко, что, казалось, они свалились на поле с прямо с безоблачного неба. Причем ехали оттуда, где еще утром была рота. «Неужели отступили? – На ходу скользнула мысль, а ноги уже бежали, петляя по-заячьи, уворачиваясь от стремящихся

догнать автоматных очередей. Мотоциклы черными воронами разъехались в разные стороны, отсекая Осипа с товарищем от леса, и только два мотоцикла мчались прямо на них. Корляков отстреливался зло, беспощадно, на смерть, перекидывая автомат из стороны в сторону. Грянул взрыв почти под ногами: кто-то из немцев бросил лимонку.

Осип неожиданно понял, что он лежит. Лежит, и встать не может: икры щипало и жгло. С трудом повернулся в сторону товарища: тишина и неподвижность травы. Черт... Левое плечо стало неметь, ноги отказывались подчиняться. Он изворачивался как разъяренный маленький уж, стрелял, стрелял, стрелял... Перед глазами возник огромный солдатский ботинок с подбитым гвоздиками каблуком. По голове ударило тяжело и глухо, как поленом, и мир погас...

Голова моталась и кружилась до тошноты. Мотоцикл, в люльке которого он полусидел, полувалился, гнал куда-то сквозь поля и прилески. Левая рука не чувствовалась совсем. Осип скосил глаза, желая убедиться, что рука всё-таки есть. Из бурого, мокрого рукава свисала кисть. Ноги отвратительно, почти нетерпимо саднило, щипало, жгло ниже коленей. Фашист, сидевший за спиной водителя, увидел, что пленный очнулся, и что-то насмешливо твякнул ему. Неужто не пристрелили, неужто жив? Повезло...

Ехали долго, изнуряюще скачущая дорога доконала раненого до полного бессилия. И, когда доехали до какого-то сарая, окруженного проволокой, фашистам пришлось выбрасывать его из люльки на землю, как мешок с закисшим овсом.

Из большого, еще крепкого деревянного сарая вышли несколько русских солдат. Они занесли новенького внутрь, уложили на сено, наваленное по углам.

- Где я?.. – Иссохшим языком спросил Осип.

- В Нарве. В лагере 101R, - вздохнул дядечка в годах. – Хорошо ж они тебя подстрелили, весь в крови.

Дядечка покачал головой и, разорвав изрезанные осколками рукав и штаны, перевязал мальчишку. «Восемнадцатое августа», - постарался запомнить дату Осип и забылся липким, как натекшая кровь, сном.

Кормили плохо. Но даже за миской баланды надо было идти к ограде, а встать Осип не мог. Пленные, хоть и были русскими, как и он, не особо стремились помочь: каждый был нацелен на свое выживание. И только один паренек – ровесник Корлякова, сочувствовал ему как товарищу по годам.

Первого сентября их погрузили в машины и повезли к железной дороге. Осип еле-еле вставал – ему несказанно повезло: осколки, застрявшие в икрах, были небольшими; раны воспалились, но не сильно. С рукой было сложнее, двигаться она никак не хотела.

Загрузили пленных в поезд. Ехали долго, мучительно долго и голодно, набившись в теплушки дышащей массой. Прибалтийские пейзажи, видные сквозь щели в стене вагона и открывающиеся вместе с дверью теплушки на остановках, сменились западной архитектурой. Витиеватые башни и остроконечные шпили улетали куда-то мимо, загоня советских солдат в чуждые дали. Осип опять полулежал, притулившись в углу вагона, и думал о том, что ведь наши-то активно наступают...

графическая иллюстрация, художник Коурова Елена

Вестфалия – этот романтично-пряничный регион Германии приготовил для них новое испытание: шталаг-326 (VI K), расположенный на полигоне Senne. Эта спецтюрьма для военнопленных была продумана с особой тщательностью. Разделенный на маленькие зоны шталаг контролировался максимально. Ф-манны, и-манны, фольксдойчи, хиви – прислужников у фашистов было хоть отбавляй. Они шпионили яростно, ревностно, докладывая обо всех и обо всем. Три барака, в один из которых попал Осип, были обнесены проволочной сеткой и охранялись

полицаями из русских и украинцев. Соседние «тройки» изолировались не менее тщательно, отсекаемые колючей сеткой и охраной от любого общения. Большая часть пленных работала на производствах шталага, теряя последние остатки жизненных сил. Корляков, с трудом ковыляющий, от работ был освобожден и вынужден был с утра до ночи находиться в бараке. Зима, не морозная немецкая зима, показалась ему хуже лютых уральских холодов. Дни растягивались и сжимались, прибывали новые пленные, которые тайком от охраны говорили о том, что фронт уже совсем близко. А вышки, расставленные вдоль всего периметра лагеря, вышки с потемневшими за годы войны деревянными стенами, стояли также крепко, цепко высматривая стеклянными глазами окон каждого, кто хотя бы допустил мысль о побеге. Корляков с его покалеченными ногами о побегах не думал – до ворот-то еле доплетется, куда уж ему такие замыслы.

В самом конце марта по баракам поползли слухи, что немцы, сжигая, что могут, и бросая, на что не хватает сил, уходят. Из окон их барака, стоявшего посередине, видно было мало; но где-то за стенами поднимался дым костра: фашисты жгли документы. Через пару дней, второго апреля, в шталаг въехали, разнося в железные клочья проволоку и заборы, танки. «Наши?..» – с трепетом спросил кто-то, лежавший в дальнем углу нар. «Нет, американцы,» - ответили ему стоявшие у окна.

Лагерь освободили, но их не отпустили. Правда, солдаты и офицеры теперь передвигались свободно. Все ждали, пока разберутся с документами и отправят на родину. Полицаи, брошенные фашистами вместе с остатками бумаг, теперь боялись выходить даже за едой. То здесь, то там вспыхивали драки. Их били, били нещадно, занимались самосудом, закидывали камнями и палками. Командование лагеря вынуждено было изолировать предателей, чтобы передать под суд на Родине и по закону.

Надежда, что их сразу после освобождения передадут своим, растаяла вместе с дымом сожженных документов. Прошел май, пролетел июнь, а они все еще были в шталаге. Только в июле, когда война давно была кончена, их наконец-то переправили через Эльбу и отвезли в Донецк. Кончилось лето, пришла богатая даже на красоту в лихие времена украинская осень... Осипу, встретившему восемнадцатилетние в шталаге № 326, хотелось только одно: скорее пройти фильтрацию со всей ее – подчас не меньшей, чем у немцев, - жесткостью и добраться до дому.

Октябрь, 1945. Уральские ветры давно остудили землю и вымели иссохшие листья с дорог на обочины. Пермские деревеньки, не тронутые войной, встречали покосившимися, но все-таки целыми, неразрушенными домами.

- Здравствуй, мама...

Рассказано Станиславом Корляковым

Записано Еленой Савельевой